

Юрий Колкер

В УНИВЕРСИТЕТЕ И В АРМИИ

ИЗ ПИСЕМ К Р. З.

(1987)

В молодости, если человек внезапно видит, что жизнь начинает удаваться; если он счастлив от предчувствия большой удачи, им (такое случается) овладевает потребность не «творить добро» — эти слова слишком высокопарны — а в меру сил бескорыстно служить ближним и дальним, помогать нуждающимся, поддерживать тех, кому нужна поддержка. Готовность сносить обиды в спокойном сознании своей правоты — того же происхождения. Эти толстовские настроения владели мною долгие годы, и мне, смею думать, долгое время неплохо удавалось придерживаться их в жизни. Я старался быть добрым. Мне казалось, что я люблю людей. Возможно, счастье делало меня добрее, чем я был от природы.

Я впервые сознательно отступаю от этого моего псевдо-толстовства по отношению к ленинградской поэтессе Р. З., от которой я зла не видел, видел только добро, хоть и сам в долгу не оставался. Дружба наша держалась на сходных культурных представлениях, на любви к строгой и стройной поэзии, на мечте о возрождении России. Прошли годы, и — этого стало не доставать для дружбы. Жизнь изменилась, мы оказались в разных странах, общего становилось всё меньше, наши интересы и взгляды всё больше расходились, возникло и копилось раздражение друг на друга, легко преодолеваемое при душевной близости, а без этой близости взрывоопасное. Мешала мне и религиозность Р. З., её московское православие. Наконец, я понял, что не вижу в себе сил продолжать эту исчерпавшую себя дружбу, с моей стороны уже неискреннюю, ничего мне больше не приносящую, — и впервые (с тех самых пор, как почувствовал себя отчасти толстовцем) нанёс прямую обиду человеку без всякой на то причины: помучавшись, сказал себе: «всем не угодишь», и повернулся к Р. З. спиной. В этом смысле Р. З. стала вехой в моей жизни. Потом я без нужды обижал и других — и теперь весь в шрамах от подобного рода хирургии над собою.

О том, как много значила для меня дружба Р. З. (в ту пору, когда я был добр), свидетельствует вот это дневниковое и исповедальное письмо 1987 года (из Иерусалима в Ленинград), в котором я с трудом себя узнаю.

28.02.87

Дорогая Р., на днях мы получили твое письмо от 6.02.87, с вложенным — страшным — письмом от Зои; отвечаю без

промедления. Как ни тяжелы твои дела, но ее, согласишься, — еще тяжелее: просто ужасны [ленинградская поэтесса Зоя Эброхи перенесла две онкологических операции и, уже прощаясь с жизнью, пристраивала двух своих сыновей; позже она прямо попросила нас, меня и Таню, забрать обоих своих мальчиков на воспитание к нам в Израиль (с их отцом Зоя была в разводе); мы немедленно подтвердили, что готовы сделать это (в письме от 4 августа 1987 года, но Зоя передумала)].

[illegible]

раз напомнил мне, сколь многим я обязан Сене; как у него дела? почему он ни разу мне не написал?) Мише передай, что с нашей общей подружкой [т. е. о ЛЕА, машинописным Ленинградским еврейским альманахом, начатом при участии Бейзера, Фрумкина и моём; к намёку пришлось прибегнуть потому,

что письмо было послано открытой почтой, а письма в Совдепии перлюстрировались] всё должно уладиться: Гильберт виделся с нею и обещает подробно без пропусков рассказать мне о каждой встрече. [британский историк Martin Gilbert помогал издавать по-английски материалы, написанные Бейзером для ЛЕА (экскурсии по еврейским местам Петербурга); моей корреспондентке я сообщаю, что он получил посланные ему с оказией материалы и наблюдает за их подготовкой к печати]. Оба его адреса я знаю, конечно. Беда лишь в том, что он не всегда спешит с выполнением своих обещаний, — Миша знает об этом лучше меня. Твои стихи [отправленные в редакцию мною] вышли в 50-м К-те [парижском журнале *Континент*], это: *Прибалтийский мотив*, *Мой город*, *В переплетении над Временем*, *Постижение*, *Бездомный дух*, *Безумной жизни цепкие химеры*, *В день рождения Предтечи*, *Быть может, два крыла*, *Моя единственная тема*, — все от слова до слова, что я им послал. Биографическую справку о тебе тоже написал я, так, что она точна: я не указал только год рождения. При выборе стихотворений я исходил не только из литературных соображений, но брал в расчет и конъюнктурные. Увы, отбор — та же редактура. Что делать! призывай к этому. Вполне свободна ты только в творчестве, а при выходе к читателю всегда чем-нибудь да связана. Утешение в том, что будут еще публикации. Надеюсь, что вскоре твои стихи появятся в американском *Стрельце* [журнал *Стрелец* (Джерси-Сити–Париж), №10, 1987, подборка нескольких ленинградских поэтесса под названием *Островитянки* с моей вступительной статьёй], затем на очереди — Вестник РХД и 22 [то есть тель-авивский журнал *Двадцать два*; в первом, сколько помню, стихи Р. З. появились, во втором — нет]. В *Грани* [журнал издавался во Франкфурте-на-Майне] посылать не хочу — хотя они уже давно просят у меня материалов и приняли бы с благодарностью всё, что мне вздумается: сейчас они на мели. С моей подачи они, конечно, и книжку бы твою издали — но теперь иметь с ними дело и нехорошо, и небезопасно (для вас): они прямо объявили себя

партийным изданием. Впрочем, чорт их разберет. Подумай сама, и всем желающим передай, что *Грани* (как, впрочем, и К-т [*Континент*], и *Стрелец*) через меня открыты. Посоветуйся с Митей: [Дмитрий Волчек, литератор, выпускавший в Ленинграде машинописный журнал *Молчание* (потом — *Митин журнал*); впоследствии сотрудник радиостанции *Свобода*. Волчек не совсем добросовестно распорядился собранными мною в Ленинграде материалами по Ходасевичу, которые при эмиграции я ему оставил], он хоть и мальчишка, но всегда в курсе всех новостей, которые ты взвесишь и оценишь сама. Кстати, получил я от него окольным путем большое письмо с им найденными неизданными стихами Ходасевича; стихи эти я отправил тут же в парижский альманах *Минувшее* №3, с коротким комментарием указав, конечно, имя их открывателя [то есть Волчека; стихи Ходасевича появились в *Стрельце* (№10, 1987)]. Передай ему все это ([телефон Волчека] 553-64-00) и проси писать мне. Я ответил ему, и прямо, и непрямо. Да, вот еще: он бы меня обязал до конца дней, если бы взял на себя труд перечитать с карандашом мою старую работу о Ходасевиче *Айдесскую прохладу* и написать все замечания и дополнения: рано или поздно я ведь буду ее переиздавать, а он нашел много нового и сильно продвинулся. По-прежнему ли ты сторишься литературной публики? Если будет время и желание, свяжись в Москве с молодым автором Витей Санчуком (М-ва 117071, Ленинский просп. 13 кв. 9). Он тоже просит меня опубликовать его там же, но оказия от него не пришла, а письма доходят беспрепятственно: пусть шлет в письмах. Я писал ему из Флоренции — получил ли он? У него в приятелях — Саша Сопровский [1953-1990], поэт и критик, один из лучших в нашем поколении; я его уже печатал в К-те [в парижском журнале *Континент*]. Не знаю, как тебе придутся эти знакомства: все это пьянь, хотя, кажется, и не совсем рвань; словом: богема. Но Мите они были бы интересны. Что с [ленинградской поэтессой] Таней Котович? Ее стихи и ее судьба меня очень интересуют [я был знаком с нею с 1961 года, всегда любил ее стихи,

никогда с нею не дружил, навсегда потерял ее из виду во второй половине 1970-х; в эмиграции напечатал ее стихи в *Континенте*]. Постарайся найти ее (164-41-60, Воронежская ул. 11 — ? кв. не помню, — уточни в справочном: она Николаевна 1947 г. р. — и сообщи мне при случае). Еще просьба: позвони, пожалуйста, [ленинградской поэтессе] Лене Игнатовой (266-05-10), скажи, что ее стихи пойдут, вероятно, в 52-м номере [*Континента*], и пусть пишет. Всё перечисленное — не срочно, и вообще — по желанию и по возможности, хотя и желательно: я всё надеюсь вытащить тебя из кельи. С Леной тебе будет интересно. Кстати, она пишет, что звонила тебе, но не застала дома. Помню, Р., обо всех твоих тяготах и болезнях — но вдруг развлечешься всем этим, и полегчает хоть ненадолго? Что ты ушла из котельной — правильно, я рад за тебя, но мои планы это несколько нарушает: я как раз хотел просить тебя описывать мне понемножку котельный быт, жаргон с этими жуткими аббревиатурами, оборудование, инструкции и т. п.: я грежу котельной прозой, а детали уже стали забываться. Поверишь ли? я с удовольствием вспоминаю свои котельные — на Адмиралтейской 6, где была написана *Айдедская прохлада* [очерк жизни и творчества Владислава Ходасевича, вошедший в подготовленный мною парижский двухтомник: Владислав Ходасевич. Собрание стихов в двух томах. (Составление,) редакция и примечания Юрия Колкера. *La Presse Libre*, Paris, 1982-83] и Уткину Дачу на Охте, где закончил двухтомник [Ходасевича] и ещё много чего написал и сделал. Мне в котельных было хорошо — а Тане, как и тебе, плохо. Знакома ли ты с моим коллегой по Адм. 6, поэтом Володей Хананом? (295-63-61) Мы когда-то дружили, но с момента нашего отъезда он не дал о себе знать ни разу. Передай ему привет от нас — если захочется. Что у Саша Кобака? С ним мы расстались почти врагами (помню, как он грозно пожелал мне всего хорошего на прощанье [то есть перед эмиграцией; в ту пору люди уезжали навсегда]), потому и приветов не передаю, но новости из его окружения меня очень занимают. Пусть Митя [Волчек] подробно напишет мне о Клу-

бе [Клуб-81], он ведь теперь там членствует.

Пишу тебе, можно сказать, из армии: непобедимая к легендарная [ЦАХАЛЬ, Армия обороны Израиля, где я проходил *тиронут* (курсы молодого бойца) с 8 февраля по 6 марта 1987 года] отпустила меня на выходной домой; еще же мне там быть неделю. Это под Хайфой. Природа сказочная: тысячелетние оливы; Кармель, вздымающийся над нашей базой (похожий на Крымские горы в районе Ай-Петри), в горах — шакалы, воющие по ночам: а мы в том направлении стреляем по два раза в сутки, днем (утром) и ночью: стрельбища упираются в горы; под оливами — зайцы, в оливах — совы, не говоря уже о птицах более заурядных; а на запад, в километре или около того, — необъятная водная пустыня, откуда некогда пришли сюда филистимляне, эллины и римляне: она все та же. Живем в палатках, учимся по 14 часов в день: стрельба, тушение пожаров, спасательные механизмы, лестницы, носилки, канаты, тренировочные башни, вязание узлов, оказание первой медицинской помощи: словом гражданская оборона. Кормят три раза в день, скромно (не как в 1970-х), но более чем достаточно, всегда можно попросить и получить добавку, в обед мясо или рыба с тремя видами гарнира, суп довольно примитивный, на третье — апельсины или бананы [в ту пору в России бананы были дефицитом и роскошью], по штуке, но тоже с добавкой, если хочешь; много зелени, куда я включаю и помидоры... и т. п.. В нашем отделении — уроженцы Эфиопии (черные, как сковородка), Англии, Аргентины, Марокко, Грузии и даже один местный: молодой рав из Хеврона: 34 года, семеро детей. Иврита мне немножко недостает, но стреляю я лучше всех. Мешают несколько боли в спине, они вообще выдвигаются теперь на первое место в числе моих проблем, ибо мешают даже сидеть, но я делаю на занятиях то, что мне по силам, принужде-

ния нет и в помине. Отношения товарищеские, без гадостей, командиры терпеливы и дружелюбны, дисциплины в привычном для нас понимании совсем нет, начальство одето точно так же, как мы, и ест вместе с нами. На днях зашел к нам в класс начальник военного округа (каковых в стране три) и представился: — Шалом, меня зовут Моти... Что тут скажешь? Генералу 35 лет, он знаменитый стратег, большой авторитет — т. е. талант, здесь это одно и то же, — в своей области. Как и вне армии, здесь все зовут друг друга по имени, я просто не знаю фамилий своих товарищей...

Тебя, конечно, интересует наша зарубежная поездка [13-31 января 1987 года]. Провели мы около недели, но в два приема, в Мюнхене, у [прозаика] Файбусовича, известного под псевдонимом Борис Хазанов. Он один из редакторов либерально-демократического политического (стало быть, не литературного) журнала *Страна и Мир*, где я иногда печатаюсь. Хазанову под 60. Человек он расчетливый и хитроватый, но в смысле ума и эрудиции — из числа самых редких в наши дни (он — давний друг и оппонент [Г. С.] Померанца), что же касается его прозы и эссеистики, то они выше всяких похвал, я всерьез считаю его лучшим стилистом современности. Значение его признают немногие. Это немудрено: никто друг друга не читает; все разбиты на партии и идеологизированы до последней крайности, но всех или многих — чего греха таить — объединяют языческая любовь к России (к камням и деревьям) да сдерживаемая неприязнь к евреям. Немногие, кто этому не подвержены, обречены на одиночество — как Хазанов и я. В Мюнхене было очень холодно, от -6 до -20 (не улыбайся, пожалуйста, мы от такого отвыкли) и снег, которого Таня не видела три года. Из Мюнхена мы поехали во Фрайбург (юго-запад Германии), к моему коллеге и старшему товарищу (ещё по Ленинграду) [Леониду] Фукшанскому, с которым я всё пытаюсь установить научные и денежные контакты: денежные, потому что, как это ни дико для нас, но в принципе я могу получить деньги на мою научную работу в Израиле — из Германии. Впрочем, пока что ничего не выхо-

дит из этого. Фукшанскому и его жене — под пятьдесят. Это занятная пара. Он еврей, она русская — и не только по крови: она русская идеологически, и весьма правого толка. Вообрази, во время одного из наших долгих разговоров «обо всем и не о чем» она прямым текстом сказала: — Встречаясь с чехами или поляками, я испытываю стыд перед ними за то, что я русская, но будь я еврейка, я то же чувство испытывала бы перед русскими. — Т. е. Россию погубили жида. Это партия Солженицына. Классик стоит у них на полке в аккуратном энтээсовском исполнении [то есть изданный Народно-трудовым союзом (НТС)], и даже читается. Хозяйку зовут Нина, хозяина — Лёня. Она математик, он — физик, точнее: биофизик, один из самых знаменитых специалистов в своей области, человек феноменальной одаренности. Кажется, он не вполне разделяет взгляды своей жены, но видно, что и он излишней любви к нашей стране [то есть к Израилю] не питает. Во Фрайбурге мы провели всего два дня, у самого подножья знаменитого Шварцвальда. Природа там удивительно хороша. Помнишь у Гауфа: «Жил человек в Шварцвальде...»? Хорошо и Фрайбург, небольшой университетский город, не пострадавший в войну. Забыл упомянуть: по дороге из Мюнхена во Фрайбург мы высаживались в Ульме и заглянули в тамошний собор, самый высокий в Европе. Ехали, понятно поездом, — тоже забытое развлечение: в Израиле железной дороги фактически нет. Т. е. она есть, но ею никто не пользуется; иногда возят школьников на экскурсии. Возможно, между Тель-Авивом и Хайфой она составляет какую-то конкуренцию автобусной компании *Эгед*, но в Иерусалиме вокзал весь в паутине, и я, например, дважды в день пересекая [переезжая на автобусе] ж.-д. ветку, ни разу за все это время не видел на ней поезда. Так вот, в Мюнхене мы взяли ж.-д. билеты во Флоренцию и назад, причем туда — через Фрайбург и Швейцарию, а назад — через Австрию. Мюнхен — столица Баварии, а Фрайбург — в Баден-Вюртемберге. Эти два города — самые притягательные для немцев: опрос показал, что большинство хочет жить в Мюнхене (почему его и называют

скрытой столицей Германии), а на втором месте Фрайбург. Немецкие земли, поименованные выше, отличаются одна от другой и природой, и архитектурой. Наблюдая из поезда баварские пейзажи, русский с удивлением обнаруживает, что эта земля усыпана церквами с луковками, правда всегда однокупольными. В Баден-Вюртемберге они пропадают. От Фукшанских мы уезжали ночью. Места у нас были спальные, мы отдали итальянцу-проводнику паспорта и билеты и не просыпаясь пересекли две границы. Утром мы обнаружили, что Северная Италия тоже вся в снегу, правда, тающем. Зато в Тоскане началась весна. Мы туда попали, проехав целую серию длиннющих туннелей. Признаюсь, я не сознавал прежде, что эта дивная страна так тщательно отгорожена со всех сторон горами. Или только с севера? Во Флоренции начались проблемы с жильем: его нужно было искать, а итальянцы по-английски понимают плохо или совсем не понимают. Гостиниц, конечно, сколько хочешь, но мы норовили найти подешевле. Тут есть своя символика: самые дешевые помечаются одной (пятиконечной) звездочкой, самые дорогие — пятью (потом, в Венеции, мы обнаружили локанды и альберго и вовсе без звездочек). Одна звезда обыкновенно означает, что это пансион, где за небольшую приплату получаешь и завтрак. У нас был адрес такого пансиона и карта, мы явились туда — и обнаружили, что он преобразован в отель с двумя звездами и что цены соответствующим образом возросли. Разочарование было так сильно, что я даже начал торговаться — и выторговал большую поблажку; но и с поблажкой это оказалось 32 доллара в сутки, т. е. ровно в 4 раза дороже, чем платили наши рекомендатели (правда, за пять лет до нас). Что делать, жизнь дорожает. Там мы провели три дня, а потом съехали в совсем уже дешевые номера, живо напомнившие нам известную тебе коммуналку на [улице] Воинова [теперь Шпалерная]. При этом мы выиграли десятку — но уж дешевле не было ничего. Но все это мелочи. Едва бросив вещи, мы кинулись в город, ибо были голодны (в первой же забегаловке нас обсчитали; таков уж там стиль; в Германии такого в принципе

не бывает), а затем — в Уффици. В этот город и в эту галерею я ехал [мечтал попасть] более двадцати лет, с тех пор как прочел *Образы Италии* П. Муратова или с еще более ранней поры, с 15 лет. Увы, когда чего-либо очень долго ждешь, впечатления меркнут, да и годы, когда явственно чувствуешь на себе перст Господень, прошли. Но все же, когда мы вышли на площадь Синьории, волосы у меня зашевелились: здесь началась современная Европа, эпоха гуманизма, — а завершилась она там, у вас (мысль, которую я через день или два облек в стихотворную формулу [«Тот, кто Арно с Невою сравнил»]). Девять дней мы работали как проклятые: утром музеи; возвращение с заходом на рынок, еда в номере, сон (ибо уставали страшно), вечером церкви и прогулки по городу и вдоль Арно. Собор Санта-Мария дель-Фьоре строился шесть веков: его начал Джотто, а кончили в прошлом веке. Кажется, в этом деле и не нужно спешить: лишь тогда и получается храм. Почти ежедневно мы слушали там орган, были в баптистерии, где крестили Данта, но на брунеллескин купол и на кампаниллу (колокольню) не лазали. Все соборные ансамбли в Италии (которые мы видели) содержат баптистерий как отдельное здание: с него начинали строительство. В Пизе он даже прекраснее, чем сам храм. Обыкновенно и кампанилла стоит отдельно (именно ее во Флоренции выстроил Джотто); но в Сиене (куда Таня не поехала по нездоровью) она составляет с собором одно целое. Увы, в Уффициях нас ожидала обида: больше всего мы мечтали о Боттичелли, и вот представь: две из трех величайших картин, *Благовещение* и *Рождение Венеры* (!), оказались в реставрации. Но мы видели *Примаверу*. Танька, натурально, едва сдерживала слезы, я же, обыкновенно так болезненно реагирующий на всякие помехи, на несколько мгновений потерял слух. Второй раз за эти три года я почувствовал, что если бы даже всё, решительно всё не удалось у меня по эту сторону границы, то все равно отъезд оправдан. Первый раз это было в декабре 1985, когда я летел над Эгейским морем, а подо мной — золото в лазури — как на ладони лежали Спорады и Киклады, точно чеканка тон-

чайшей работы, и я говорил себе: вот Родос, вот Самос, вот Лесбос. Впрочем, Таня, кажется, писала тебе о нашей поездке, и я повторяюсь. Да и не передать всего. В Пизе я очень трусил, когда мы залезли на башню: галереи не огорожены; был ослепительно солнечный день...

[продолжение того же письма] 16.03.87... и трудности с сортиром: он почему-то был закрыт. Сортиры, кстати, почти всюду платные: «Если хочется в сортир, приготовьте триста лир» (т. е. 20 коп). Заканчиваю [это письмо] уже после армии и на сорок втором году жизни. Телеграмму [которой Р. З. поздравляла меня с днём рождения] принесли вовремя, спасибо большое, привет и спасибо Наташе, Рае и Сене. (Получили наташино письмо, полное надежд, оно шло всего 11 дней.)

Перечитываю еще раз твои письма от 25.12.86 и 6.02.87.

[illegible]

работы, которые Ивану Ивановичу мы назвали «сложнейшим творческим делом отставного академика с него немыслимо существование». В Писем же Давид переписал, не став утруждать, «обобщенно» и канонизировал стилизовано «похоже на то, что он писал, но не писал». В Писем же Давид переписал, не став утруждать, «обобщенно» и канонизировал стилизовано «похоже на то, что он писал, но не писал». В Писем же Давид переписал, не став утруждать, «обобщенно» и канонизировал стилизовано «похоже на то, что он писал, но не писал».

[illegible]

Прежде всего спасибо за цифры по кукурузе, они уже в работе [я состоял в Еврейском университете и пытался продол-

жить свои учёные труды по математическому описанию онто-
генеза биологических сообществ]. ... В декабрьском письме
ты поздравляешь Лизу с бар-мицвой в 13 лет — решаюсь те-
бя поправить: здесь у девочек отмечают бат-мицву в 12. Теле-
фон Лёни Э. [поэта Леопольда Эпштейна, который тогда жил
в Новочеркасске, а в конце 1987 года окажется в Бостоне] я
нашел, позвонил ему, но не застал дома: говорил с сыном. Ни
о лекарстве [для жены Эпштейна, Лизы Кваши; она болела
раком; умерла в Бостоне], ни об издательских делах, т.е. вооб-
ще ни о чем, он мне не пишет. С Аликом [еврейским активи-
стом, узником Сиона Роальдом Зеличонком, как раз вернув-
шимся из советского заключения] я говорил. Насчет таниной
статьи об А. К. [об Александре Кушнере; Статья: Татьяна Ко-
стина. «Дивясь красе жестоковойной...». К пятидесятилетию
Александра Кушнера. *Русская мысль* (Париж) №3640, 26 сен-
тября 1986, написана Таней в соавторстве со мною, но подпи-
сана только ее именем, потому что Кушнер просил меня за
границей о нем не писать.]: конечно, нужно бы сообщить ему,
добавив, что вышла она с досадными поправками [точнее, ис-
кажениями, сделанными в редакции *Русской мысли* Натальей
Горбаневской, Кушнера не выносившей], но и в таком виде
была замечена в Европе и здесь. Вообще, хорошо бы тебе с
ним подружиться. Ему лучше звонить не прямо, а через его
сына Женю, если контакт с ним еще не потерян, можно свя-
заться с Хананом (см. выше). Ксерокопию твоих стихов [в
Континенте] вышлю, а номер попробую послать через Митю
[Волчека]. Пожалуйста, пиши, если найдешь силы, о ваших
тамошних переменах, публикациях и народных движениях, а
также народных откликах на них: это интересно не только
нам. Твоя парадная фотография по-прежнему нужна [для по-
следующих публикаций стихов Р. З.], потому что на достиг-
нутом мы не остановимся [то есть я буду продолжать попыт-
ки публиковать стихи Р. З. в журналах и газетах]. О Миши-
ном отказе знаем [Михаил Бейзер получил очередной отказ
на прошение об эмиграции], и о забастовке [вероятно, о голо-
довке протеста Михаила Бейзера] тоже, я говорил о нем по

радио [Коль-Исраэль и (или) Свобода]. Да, ваши журналы в принципе тут доступны, но если бы ты прислала тот *Огонек* с Ходасевичем (и другие текущие диковинки, если только это тебе по средствам), я был бы очень обязан. Открыток с видами Л-да [Ленинграда] больше не просим. Чем кончился твой экзамен на оператора [газовой котельной; на истопника]? Я пока на прежнем месте [в лаборатории биофизики иерусалимского Еврейского университета], мне продлили договор на три месяца, т. е. до середины мая. Кажется, моя ученая статья будет принята в одном ученом журнале [Yuri Kolker. A piecewise-linear growth model: comparison with competing forms in batch culture. — *Journal of Mathematical Biology*, Vol. 25, No 5, November 1987, pp. 543-551], который много серьезнее журнала, мне отказавшего. Цифры по овощам [для моей математической модели роста сообщества растений] дадут мне возможность быстро написать еще одну: к ним подходят уже написанные мною программы. Еще три статьи — в стадии доведения. В ближайшее время должно решиться многое, а у меня на уме другое, начато полдюжины литературных работ, и мне от них не оторваться. Нет, стихи я тоже пишу и, наверно, не меньше (в количественном выражении), чем Лена П. [ленинградская поэтесса Елена Пудовкина] (ей и Славе [правозащитнику Вячеславу Долинину, мужу Пудовкиной; они поженились в 1983 году *уже после ареста Долинина, в тюрьме предварительного заключения*; в 1987 году Долинин был выпущен из лагеря по амнистии] привет). Но здесь [в Израиле] я жду новых звуков [в моих стихах], а в критике, которой увлечен до страсти, договариваю старые. Кстати, на меня тут восстал весь европейский истеблишмент за мою статью о мемуарах С. Липкина (*Страна и мир* 10, 1986). Сначала вякнул К. Любарский [редактор мюнхенского журнала *Страна и мир*], затем [Ефим] Эткинд [парижский, а до этого ленинградский литературовед] напечатал целую статью, несправедливую и полную передергиваний. Любарскому Таня написала ответ (он будет в К-те), я же, по примеру Карамзина, никому никогда решил не возражать: я следую своей совести, мой

мандат получен в самой высокой инстанции. Те же, кто напрягает гортань, выдают себя с головой. Тому, кто прав, нет нужды повышать голос. Публикация Эткинда только придала мне сил. Я вспомнил у Боратынского: «Спасибо злобе хлопотливой», и из Гитовича: «Где-то за пределами пустыни / Лают псы. А караван идет», — и не просто успокоился, а ощутил прилив совершенно небывалой свободы.

На этом прощаюсь, дорогая. Обнимаю тебя. Твой Ю. К.
